

ОСТРЫЙ ЖИВОТ

Владимир Герасимов

Рисунок Виктора Богорада

ОСТРЫЙ ЖИВОТ – синдром, возникающий при ряде острых заболеваний и повреждений органов брюшной полости, требующий экстренной хирургической помощи...

Краткая медицинская энциклопедия, издательство «Советская энциклопедия», издание 2-е, 1989, Москва

В 1988 году, в разгар перестройки, Ленинградский электромашиностроительный завод (ЛЭЗ), 2-й завод производственного объединения «Электросила», вышел из состава Минэлектротехпрома и перешел в Минсредмаш. К началу этих глобальных пертурбаций я уже отработал на предприятии 20 лет, сначала в конструкторском отделе, а затем больше 7-ми лет – в технологическом. Здесь я числился начальником крохотного бюро ФСА (функционально-стоимостный анализ). Это название с явно выраженным «экономическим» уклоном слабо отражало суть нашей работы. Мне, вместе с двумя сотрудниками, приходилось фактически заниматься профессиональной изобретательско-рационализаторской деятельностью. Работа нравилась, кроме того, она как раз начала давать для завода первые ощутимые результаты. Но перестроечные волны докатились и до нашего бюро.

Однажды меня вызвал Главный технолог, Владислав Алексеевич Петров, и сказал: «У меня к тебе претензий нет, но в нашем новом министерстве ФСА штатным расписанием не предусмотрен. Поэтому, нравится это мне, или нет, придется твое бюро ликвидировать. Могу тебя начальником другого назначить, тут у меня кое-кто на пенсию просится. согласишься?»

Я отрицательно покачал головой. В отделе было 22 бюро, но все, кроме нашего, занимались «нормальной» работой – технологической подготовкой производства. Там особо не до изобретательства, нужно только как можно точнее соблюдать то, что уже хорошо известно. Мне это было неинтересно, не для этого я когда-то переходил из конструкторов в технологи. Поэтому я попросил Петрова: «Отпустите меня, я на головной завод переvedусь, там все по-прежнему остается. Они меня возьмут, давно уже предлагали, да я отказывался». – «Так ведь на работу будешь по полтора часа в одну сторону мотаться...». Я пожал плечами – что же делать, многие так мотаются. Потом сказал: «Жалко только, что очередь на квартиру в нашем отделе потеряю».

Дети начали подрастать, впятером стало тесно в двухкомнатной квартире, и меня включили в список на улучшение жилищных условий. В поселке скоро должны были закончить строительство двух 150-ти квартирных домов, и у меня были реальные шансы... Владислав Алексеевич немного помолчал, потом произнес: «Ладно, неси заявление на перевод, я подпишу. А с квартирой попробую тебе помочь...»

Он сдержал свое слово и действительно помог. Через несколько месяцев после моего увольнения с завода мы получили четырехкомнатную квартиру вместо нашей двухкомнатной. Как это ему удалось – не знаю, жилье было большим дефицитом, и ждать его нужно было многие годы. В моем случае должен был сработать принцип «с глаз долой, из сердца вон», но получилось по-другому... Владислава Алексеевича давно нет, он скоропостижно скончался, но у меня о нем осталась светлая память. Не только из-за жилья, он и начальником был для меня хорошим. Пусть земля ему будет пухом.

Поселок Металлострой. Вид с 23-х этажного высотного дома.
(http://metallostroy.org/new/1274665448/gallery_2_7_68541.jpg)

Добираться на новую работу из нашего поселка было действительно непросто. Сначала пригородным автобусом нужно доехать до станции метро «Пролетарская», затем поездами, с одной или двумя пересадками – у каждого варианта свои плюсы и минусы – до станции «Электросила». Если повезет, то вся дорога занимала примерно 1 час 20 минут, если же нет, то значительно дольше.

Путь обратно был сложнее. Почему-то желающих уехать «из города» на остановке скапливалось намного больше, чем могли забрать автобусы. Если не сумел втиснуться в переполненную машину, приходилось тоскливо ждать следующую – когда 20, а когда и 40 минут. Со временем я выработал нехитрый прием, которым иногда удавалось воспользоваться. Дело в том, что было два маршрута – автобус № 272 шел до поселка, а № 268 проходил мимо, но тоже годился. Бывало, хотя и не часто, что они подходили к остановке одновременно. Завидев издали приближающийся автобус, я проходил вперед от того места, где он обычно останавливался. Вся толпа желающих уехать яростно бросалась «штурмовать Зимний». Если в это время, вслед за первым автобусом, сразу же подъезжал второй, его замечали не все. Вот в него-то и были шансы сесть.

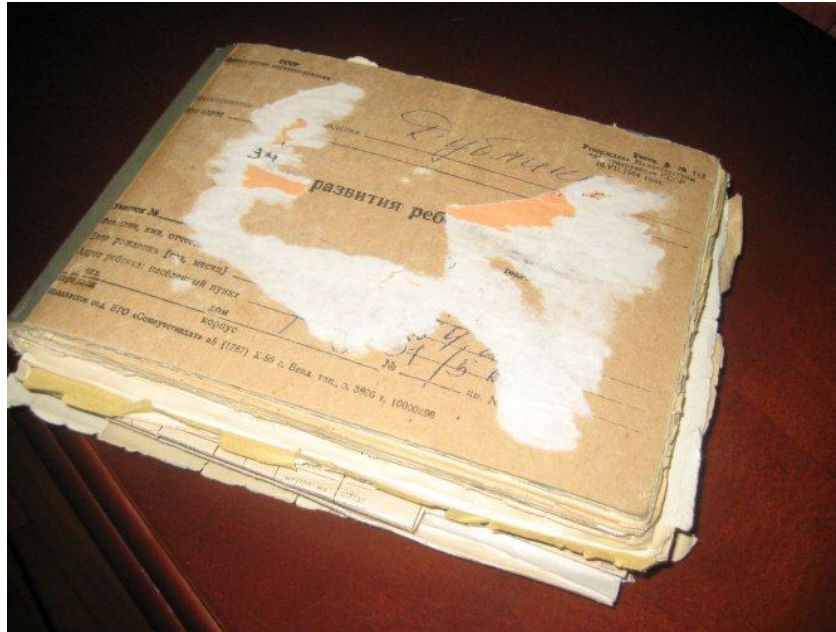
Выбравшись однажды вечером из метро, я безрезультатно проторчал на остановке больше часа. Плотную угрюмую толпу таких же как я неудачников щедро поливал бесконечный холодный ленинградский дождик. На тротуаре была глубокая грязь, поблизости что-то строили и машины развезли колесами липкую землю по всей округе. Ноги у меня промокли еще с утра, я устал и сильно продрог. Уехать никак не удавалось, но это было еще не все. Меня и раньше периодически мучила тягучая боль «под ложечкой», особенно когда я был голоден. Давно следовало сходить к врачу, да все было недосуг, и я откладывал на потом. А тут боль разыгралась так сильно, что я готов был скрючиться и сесть прямо в раскисшую лужу.

В какой-то момент я подумал: «Вот что чувствуют люди, когда их сажают на кол, только мне его в другое место вогнали». Отчетливо помню – стою наклонившись вперед и обнимаю руками свой измороженный несчастный живот, пытаюсь хоть немного его защитить. Не дай Бог, кто-нибудь в толпе нечаянно толкнет или просто дотронется. Приходит мысль: «Как же я сяду, если даже автобус сейчас подойдет? Мне шевельнуться трудно, а не брать приступом автобусную дверь...». Следом еще одна мысль: «Ну что там может так болеть? Ничего такого просто быть не должно, у меня всегда был, что называется, «железный» желудок, и я мог, ничем не рискуя, есть любую пищу в любых сочетаниях...». В какой-то момент я как-то очень спокойно подумал (или ощутил, почувствовал, представил – не могу подобрать точного слова): «НЕЧЕМУ У МЕНЯ ТАМ БОЛЕТЬ».

Действительно, как-то постепенно и незаметно боль отпустила. Вскоре пришел автобус, и я в него ухитрился сесть. Более того, рядом со входом оказалось свободное место, чего не бывало ни разу за последние полтора года. Я сидел и с опаской прислушивался к организму – где там эта жуткая боль? Но ее больше не было. К хорошему привыкаешь быстро. Я вспоминал о своей желудочной хвори все реже, на нет, ведь, и суда нет, а потом просто напрочь забыл про этот случай.

Через несколько лет сын дорос до призывного возраста. На медкомиссии он пожаловался врачу на желудок (у него еще в детстве иногда бывали такие жалобы), а доктор посоветовал пройти обследование. В поселковой поликлинике как раз появилось соответствующее оборудование. Я и говорю сыну: «Пойдем вместе, чтобы тебе веселее было. Заодно и я проверюсь, много лет не делал этого».

Нас с Ваней заставили «кишку» (эндоскоп) глотать, операция не из самых приятных. У него обнаружили небольшое воспаление слизистой желудка, и он отлежал две недели в районной больнице. А у меня все было в норме.

Обычная медицинская карточка

<http://foto.rambler.ru/photos/4cb1b82a-0f61-6df9-98f3-0c8197ddea47/>

В затемненной комнате я сидел рядом со столом врача, который что-то быстро писал в моей медицинской «карточке», пухлой тетрадке, сохранившейся еще с заводских времен. Потом он полистал страницы, повернулся ко мне и сказал: «У вас две зарубцевавшиеся язвы желудка. Как лечили? Я не вижу записей в вашей карточке». Я говорю: «Никак не лечил, само прошло». Он хмыкнул и говорит: «Бывает, что и само проходит... Но редко».

Неужели этих нескольких слов, сказанных мысленно самому себе на автобусной остановке, оказалось достаточно? Похоже, что да. Уже больше 15 лет прошло с тех пор, не было за это время у меня никаких проблем с желудком.

Январь 2005 г.